

N. Ivanova

«LITERARY TRAVELS» TO SIBIRIA: POETRY OF «LETTERS FROM COAST OF LENA» BY N. SHCHUKIN AND «LETTERS FROM SIBIRIA» BY P. SLOVTCOV

Abstract: Article is devoted by genre of

“literary travel”. It was written with materials of unstudied traveling letters about Siberia (“Letters from coast of Lena” N. Shchukin, “Letters from Siberia” P. Slovtcov).

Key words: genres, travel, poetry, plot.

УДК 821.161.1.09

Краюшкина Н.Н.

«НА ВЗЯТИЕ ВАРШАВЫ» В КОНТЕКСТЕ ОФИЦИАЛЬНОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ НАЧАЛА 1830-Х ГОДОВ*

Аннотация: В 1830-е годы интерес к Пушкину значительно упал. Однако обстоятельства такого падения серьезному анализу не подвергались. В ходе исследования реакции читателей на публикацию стихов «На взятие Варшавы» мы пришли к выводу, что осенью 1831 года литературная репутация Пушкина переживает перелом. Его авторская деятельность начинает ассоциироваться – впервые не без основания – с идейной позицией власти.

Ключевые слова: Пушкин, литературная репутация, «Клеветникам России», «Бородинская годовщина».

Ни одно произведение Пушкина не вызвало таких противоречивых оценок, как стихотворения «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина», вышедшие в брошюре «На взятие Варшавы» вместе со стихотворением Жуковского «Старая песня на новый лад». В «Письме приятелю в Симбирск» Ф.Ф. Вигель писал следующее: «Вспомним стихи Пушкина «Клеветникам России» в 1831 году. С каким живым участием рукоплескали им в Петербурге; в Москве же, знаешь сам, названы они огромным пятном в его поэтической славе. Увы! Не только какое-нибудь выражение верноподданнического чувства, малейшая похвала России почитается здесь раболепством» [РА: 1893, II, 581-582]. Мысль о том, что Пушкин забыл о своей поэтической независимости и продался государству, лежала на поверхности, тем более что публикация патриотических стихов примерно совпала по времени с присуждением Пушкину звания придворного историографа «с хорошим окладом». Об этом говорили, и, конечно, многие связывали одно с другим. 26 сентября А.И.

Тургенев пишет Н.И. Тургеневу о встрече с Чаадаевым в Английском клубе, где «спорили о достоинствах стихов Пушкина и других, здесь во всю неделю читались всеми, – «На взятие Варшавы» и «Послание клеветникам России»... Александр Пушкина точно сделан биографом Петра I и с хорошим окладом, но ни он, ни Жуковский мне об этом не пишут, а слышу здесь от других» [Летопись: т. 3, 391]. О голосах, раздающихся против Пушкина, говорят в своих письмах Хвостов и Чаадаев: (перевод письма П.Я. Чаадаева от 18 сентября 1831 г.) «Я только что прочел ваши два стихотворения. <...> Вот вы, наконец, и национальный поэт; вы, наконец, угадали свое призвание. <...> Не все здесь одного со мною мнения, вы, конечно, не сомневаетесь в этом, но пусть говорят, что хотят, а мы пойдём вперед <...>» [Пушкин: т. 14, 439].

Д.И. Хвостов – Пушкину от 24 октября 1831: «Но убедясь в печальной истине опытом, что развращенные сердца завистливых крамольников ожесточенны и слухи их не внемлют прелестей гармонии сынов Аполлона, я ограничиваюсь желанием, чтобы знаменитая лира ваша предпочтительно воспевала богатырей русских давнего и последнего времени» [Пушкин: т. 14, 237].

Известно несколько отзывов, авторы которых увидели в стихах Пушкина измену поэтическим идеалам и угождение власти. Близкий знакомый князя Вяземского Г.А. Римский-Корсаков говорил, что после появления «Клеветникам России» отказывается «приобретать произведения Русского Парнаса» [ЛН: т. 58, 18].

Н.А. Мельгунов пишет С.П. Шевыреву 21 декабря 1831 года: «Мне досадно, что ты хвалишь Пушкина за последние его вирши <«Клеветникам России» и «Бородинская го-

* © Краюшкина Н.Н.

довщина»>. Он мне так огадился как человек, что я потерял к нему уважение даже как к поэту... Упал, упал Пушкин... О, честолюбие и златолюбие!» [Беляев: 296].

С.П. Шевырев посылает 28 октября С.А. Соболевскому стихи Пушкина «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина» с комментарием: «А славные стишки Ал<ександр> Сер<геевич> навалял! Каково же? Первый голос политики у нас выражается стихами...» [ЛН: т. 16-18, 750].

Спорившие с Чаадаевым Вяземский и А.И. Тургенев, С.П. Шевырев, Н.А. Мельгунов, Г.А. Римский-Корсаков и оставшиеся неизвестными нам московские «крамольники», о которых говорят Вигель, Чаадаев и Хвостов, оценивали пушкинские стихи не как лирическое произведение, а как «первый голос политики» – голос поэта, подпевающий голосу власти. Голосом власти по польскому вопросу была официальная пресса – газеты «Северная Пчела» и «Русский Инвалид», другие газеты и журналы ничего о польском восстании в 1831 году не писали. Таким образом, для группы читателей, воспринявших пушкинские стихи как измену поэтическому призванию ради царской службы, стихи эти органично вписались в контекст официальных публикаций на польскую тему. Рассмотрим «Клеветникам России» и «Бородинскую годовщину» в контексте того, что выходило в «Русском Инвалиде» и «Северной Пчеле».

В обеих газетах по польскому вопросу печаталось примерно одно и то же:

- официальные документы (донесения из армии, высочайшие указы на имя главнокомандующего, высочайшие манифесты);

- «псевдодокументы» («письма» офицеров из армии, «письма» поляков из Варшавы, «статьи» из варшавской, прусской, парижской газет – источники, подлинность которых проверить читатели «Северной Пчелы» и «Русского Инвалида» практически не могли);

- стихи на взятие Варшавы и покорение Польши, в ряду которых «Русский Инвалид» напечатал и пушкинское «Клеветникам России».

Как же позиция власти по польскому вопросу выражалась в официальных документах? Здесь нас, прежде всего, интересуют высочайший манифест о победе (РИ № 254 от 8 октября).

Во-первых, власти было принципиально важно отделить польский народ от предводителей восстания. Восстание везде именуется бунтом, мятежом, насилием. Таким образом,

подавление восстания – это нежеланная, вынужденная мера, спасение польского народа, вовлеченного в преступление обманом:

«Возженная изменой война прекратилась: народ Царства Польского освобожден от насилия мятежников, и те слабые остатки их полчищ, кои до конца упорствовали в заблуждении, теснимые отовсюду Нашими храбрыми войсками, удалились в перделы соседственных с Нами Держав, и там положили оружие» [РИ: № 254, 1016].

Во-вторых, было очень важно отметить героизм и великодушие нашего воинства по контрасту с хитростью и жестокостью «мятежных полчищ»:

«Храбрые воины Наши оправдали Нашу доверенность. Прославленные подвигами на берегах Евфрата, на высотах Балкана, Тавра и на полях Румелии, они в сем достопамятном, более семи месяцев непрерывавшемся походе, умели еще превзойти себя, презирая опасности, перенося неимоверные труды и нужды, сражаясь с препятствиями, самую природой поставляемыми, и с отчаянным сопротивлением врагов, не щадивших достоинства и крови народа, ими вовлеченного в преступление, и ряд блистательных успехов достойно заключен покорением Варшавы» [там же].

В-третьих, необходимо было подчеркнуть, что русские в этой войне не мстят полякам за старые обиды (сожжение Москвы в Смутное время), а действуют на благо народа, стараясь принести как можно меньше вреда полякам и их собственности:

«... неприятель был равно изумлен великодушным мужеством победителей и уважением их к жизни и собственности побежденных. Но сею кротостью в победе, сим бескорыстием и человеколюбием ознаменованы и все действия наших воинов в Царстве Польском» [там же].

В-четвертых, подчеркивается внутренний характер конфликта – между своими, как между русскими князьями в старину: «междуусобная брань», «принимали как братьев», «два соплеменных народа», «члены единого семейства»:

«Время и попечение Наше истребят семена несогласий, столь долго волновавших два соплеменные народа. В возвращенных России подданных наших Царства Польского, вы также будете видеть лишь членов единого с вами великого семейства» [там же].

Ключевые слова манифеста – «бунт», «мятежный», «буйная Варшава» можно найти и в стихах Пушкина.

*И Польша, как бегущий полк,
Во прах бросает стяг кровавый –
И бунт раздавленный умолк.*

<...>

*Признав мятежные права,
От нас отторгнется ль Литва?
Наш Киев дряхлый, златоглавый,
Сей пращур русских городов,
Сроднит ли с буйною Варшавой
Святыню всех своих гробов?*

(«Бородинская годовщина»).

Можно найти и противопоставление по контрасту русского и польского воина:

*Кто устоит в неравном споре:
Кичливый лях иль верный росс?
(«Клеветникам России»).*

Воины, «прославленные подвигами на берегах Евфрата, на высотах Балкана, Тавра и на полях Румелии» напоминают образ Паскевича у Пушкина:

*Могучий мститель злых обид,
Кто покорил вершины Тавра,
Пред кем смирилась Эривань,
Кому суворовского лавра
Венок сплела тройная брань
(«Бородинская годовщина»).*

Есть также целая строфа, посвященная благородству русских, не мстящих полякам за былые обиды, то есть интервенцию 1611 года:

*В боренье падший невредим;
Врагов мы в прахе не топтали;
Мы не напомним ныне им
Того, что старые скрижали
Хранят в преданиях немых;
Мы не сождем Варшавы их;
Они народной Немезиды
Не узрят гневного лица
И не услышат песнь обиды
От лиры русского певца.
(«Бородинская годовщина»).*

Что же касается внутреннего характера конфликта, то у Пушкина эта идея выражена гораздо ярче, чем в высочайшем манифесте: «семейная вражда», «домашний старый спор», «спор славян между собою» – ключевые формулы стихотворения «Клеветникам России».

В «псевдодокументах» – письмах якобы из Варшавы, из армии, выдержках из европейских газет – также встречаются идеи и формулировки, уже отмеченные нами в Ма-

нифесте и пушкинских стихах. Таким образом, читатель, желавший связать политическую позицию Пушкина с позицией редакции «Северной Пчелы», мог без труда найти, чем подтвердить свою точку зрения. При этом ключевые словосочетания и мотивы, общие у Пушкина и официальной прессы, в последней переплетаются с нелепым пафосом, явной ложью и идеями, которых у Пушкина нет и быть не могло, идеями, вызывавшими бурю возмущения у любого либерально настроенного читателя (характерный пример – письмо якобы из Варшавы «от жителя того города родственнику в Петербург», опубликованное в нескольких номерах «Северной Пчелы» (от 2, 4, 7 и 8 июля) и перепечатанное в «Русском Инвалиде». Упрек клеветникам, к примеру, в этой статье переходит в рассуждение о вреде свободы печати – «орудия злобы, мести и клеветы в руках злонамеренных»). Объединявшие Пушкина и «Северную Пчелу» мотивы усугублялись общим адресатом: статьи «Северной Пчелы» были направлены не против Польши или европейских правительств (которые никаких решительных мер против России не предпринимали), а именно против ораторов вроде Беранже и Лелевеля, влияющих на общественное мнение Европы. Многие статьи построены как ответ на клевету (например, «Русская правда и чужеземная клевета» – «СП» № 246-248).

Чтобы не быть голословными, приведем один пример общих для Пушкина и «Северной Пчелы» идей и образов:

*«Русский занят, отложив бранный меч,
дома исполнением мирных своих обязанностей;
но горе тому, кто вызовет его к борьбе за честь и славу Русского Престола и Отечества!
По первому слову Царя Русского соберутся верные сыны России под знамена, развевавшиеся на берегах Евфрата и Сены, на вершинах Тавра, Балкана, Альпов, на укреплениях Варшавы, и не пощадят ни крови, ни имущества для наказания дерзких зачинщиков»* [«СП» № 248].

Ср. у Пушкина:

*Иль старый богатырь, покойный на постеле,
Не в силах завинтить свой измайльский штык?
Иль русского царя уже бессильно слово?
Иль русский от побед отвыв?
Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды
От финских хладных скал до пламенной Колхиды,
От потрясенного Кремля
До потрясенного Китая,*

*Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?
(«Клеветникам России»).*

Стихотворение «Клеветникам России» было перепечатано 14 сентября в газете «Русский Инвалид». После сообщения о взятии Варшавы, в этой газете из номера в номер публиковались стихи, посвященные победам в Польше. В сентябре-ноябре 1831 года появилось 13 стихотворений в «РИ» и два в «СП» – это стихи Стороженко, Якубовича, Пушкина, Жуковского, Хомякова, Бека, Шишкова, Остолопова, Кириллова, Папковича, Сиянова, Сомова и анонимные стихи. «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина» воспринимались не с точки зрения их художественных достоинств, а как политическое кредо. Следовательно, они обсуждались и оценивались в одном контексте и в одном ряду с вышеперечисленными патриотическими стихотворениями. Это подтверждают и воспоминания современников. Вернемся снова к письму А.И. Тургенева от 26 сентября: «На прошедшей неделе мы обедали в Английском клубе с Чаадаевым..., а после мы и заспорили и крепко о достоинстве стихов Пушкина и других, кои здесь во всю неделю читались всеми [курсив наш. – Н.К.]».

Графиня А.Д. Блудова, дочь графа Блудова – автора манифеста об окончании войны с Польшей, вспоминая про события осени 1831 года, говорит именно о ряде стихов, а не о пушкинских стихах, как выдающемся событии: «Также единодушно было и прощение, примирение, готовность к забвению вражды со стороны Государя и всех его подданных. Это свидетельствуют все частные, равно как и официальные документы тогдашние, и все стихи, написанные в то время. Вообще меня поражает это поэтическое настроение, которого, кажется, совершенно не было в последнюю борьбу нашу с Польшей (1863). В одной газете «Инвалид» в сентябре и начале октября 1831 г. сколько напечатано стихов!».

Круг тем и мотивов этих стихов, посвященных победам над поляками, ограничен и вполне предсказуем, – не удивительно, что большинство этих тем и мотивов можно найти и у Пушкина. Естественно, во многих стихах, написанных после выхода пушкинских, это объясняется влиянием последних, но выявлять конкретные заимствования нет смысла, поскольку многие мотивы лежат на поверхности, а многие неоднократно появлялись в газетных статьях. За неимением возможности цитировать, выделим следующие

общие мотивы:

- угрозы клеветникам;
- напоминание о победах над Наполеоном, о которых забыли клеветники и поляки;
- после напоминаний о русских подвигах обычно следует призыв несогласных «попробовать на деле» что значит спорить с Россией, часто при этом фигурирует русский штык;
- урок ляхам, «буйной Варшаве»;
- братья-славяне, подчиняющиеся старшему брату – России. У Пушкина «славянские ручьи сольются ль в русском море», у Хомякова

*Орлы славянские взлетают
Широким, дерзостным крылом,
Но мощную главу склоняют
Пред старшим Северным Орлом.*

- тень Суворова, которая появляется во время битвы;
- беды, которые не помешали России (холера и холерные бунты).

Таким образом, становится понятно, что определенной группе читателей стихи Пушкина должны были казаться «про то же самое», про что писали статьи, письма и стихи в газетах «Русский инвалид» и «Северная пчела», двух главных правительственных изданиях того времени. Осенью 1831 года литературная репутация Пушкина переживает очередной перелом. Его авторская деятельность начинает ассоциироваться – впервые не без основания – с идейной позицией власти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Беляев – Беляев М.Д. Польское восстание по письмам Пушкина к Е.М. Хитрово // Письма Пушкина к Е.М. Хитрово. – Л., 1927.
2. Вяземский П.А. Полн. собр. соч.: В 12 т. – СПб., 1878-1896.
3. Гиллельсон М.И. Пушкин в итальянском издании дневника Д.Ф. Фикельмон // Врем. ПК. 1967-1968. – С. 14-32.
4. Гиллельсон М.И. От арзамасского братства к пушкинскому кругу писателей. – Л., 1977.
5. Кацис Л.Ф., Одесский М.П. Пушкин – Коллар – Мицкевич // Известия АН. Серия литературы и языка. – 1999. – Т. 58. – № 3.
6. Летопись – Летопись жизни и творчества Александра Пушкина: В 5 т. / Сост. Н.А. Тархова. – М., 1999-2005.
7. ЛН 1958 – Пушкин в неизданной переписке современников // Литературное наследство. – Т. 58. – М., 1954.
8. Муравьева О.С. «Вражды бессмысленный позор»: Ода «Клеветникам России» в оценках современников // Новый мир. – 1994. – № 6.
9. Пушкин А.С. Письма: Т. I-III / Под ред. и с прим. Б.Л. и Л.Б. Модзалевских. – М., 1989. (Пушкин-

- ская библиотека). Репринт. воспроизв. изд.: Тр. Пушкинского Дома. – М.; Л., 1926-1935.
10. Пушкин – Пушкин А.С. Полн. собр. соч. – М.; Л., 1937-1949. – Т. I-XVI; 1959. – Т. XVII (справочный).
 11. Пушкин. [Соч.] СПб.: Изд. Брокгауза и Ефрона, 1907-1915. – Т. 1-6 (Библиотека великих писателей / Под ред. С.А. Венгерова).
 12. Францев В.А. Пушкин и польское восстание 1830-1831. Опыт исторического комментария. – Пг., 1929.
 13. Фризман Л. Пушкин и польское восстание 1830-1831 г. // Вопр. лит. – М., 1992. – Вып. 3. – С. 209-238.

N. Krayushkina
 NA VZYATIE VARSHAVY” (“ON THE

TAKING OF WARSAW”) IN THE CONTEXT OF OFFICIAL PRESS OF THE EARLY 1830S

Abstract: In 1830s the interest to Pushkin’s poetry fell considerably. The circumstances of this fall haven’t been analyzed yet. As part of the study we reached the conclusion that in autumn of 1831 Pushkin’s literary reputation was going through a certain turning point. For the first time not without reasons it started to be associated with semiofficial ideological platform.

Key words: Pushkin, literary reputation, “To the Slanderers of Russia”, “Anniversary of Borodino”.

УДК 929 Набоков

Майорова Г.В.

«ДАР» В. НАБОКОВА КАК ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ЖАНРОВ*

Аннотация. В статье рассматривается проблема интеграции разностилевых жанров в романе Владимира Набокова «Дар». Множество жанров, наполняющих текст, позволяет определить роман как энциклопедию. Выявленные жанры группируются по стилю, статусу, тематике, необходимости в пределах художественного произведения.

Ключевые слова: роман, жанр, энциклопедия, дар, Набоков.

Творчество русско-американского писателя В. Набокова привлекало и в настоящее время привлекает огромное количество отечественных и зарубежных исследователей. Спектр разработанных тем огромен, но преимущество творений гения в том и состоит, что оставляет за собой бездну материала, обращение к которому вкупе с оригинальным методом самого ученого составляет научную новизну исследования.

Литературоведение во многом опирается на традицию обнаруживания художественной глубины посредством использования жанрового потенциала произведения. Жанр имеет особенность находиться в одно и то же время и в статике, и в динамике. Эта черта определяет возможность постоянной регенерации теоретической категории и сохранение приоритетности научных изысканий в этом направлении.

Интеграция, объединение в самых раз-

ных сферах, условия сосуществования (борьба или терпимость) – необходимые факты изучения бесконечного многообразия жизни и ее основ. Совмещение жанров, различающихся по самым разным критериям в рамках одного произведения, требует последовательного анализа. Реализация такой литературной структуры обнаруживается в творчестве Владимира Набокова.

Конкретный объект приложения теории совмещения разностилевых жанров – уникальный русскоязычный роман «Дар» (1937). Выбор объясняется в первую очередь языком написания, наличием гигантского числа разностилевых жанров, соединяющихся самым причудливым образом в единстве с объемлющим кругом романа-энциклопедии. Сам Набоков (В.Сирин) признает роман вершиной своего русскоязычного творчества.

В нем обнаруживаются жанры функциональных стилей (научный, официально-деловой, публицистический, разговорно-бытовой, стиль художественной литературы) и подстилей.

Понимание многожанровой структуры «Дара» можно обнаружить в работах Н. Анастасьева, М. Липовецкого, Б. Бойда, Ж. Нивы, П. Тамми, И. Паперно, О. Сконечной. Разногласия в определении жанра «Дара» связаны с актуальным вопросом об отсутствии жанровой монополизации в плоскости данного художественного пространства. В основе жанрового стержня и принцип мат-

* © Майорова Г.В.